

WILLIAMSBURG

Глядя на
Мела Брукса,
я пожалел, что
не Еврей!

ГИЛЛИАМЕСКИ

~~ПРЕДПОСМЕРТНЫЕ МЕМУАРЫ~~

~~Био(разножанная)графия~~

~~Первая от первого лица~~

~~в единственном лице~~

~~Биография-Пеймидром~~

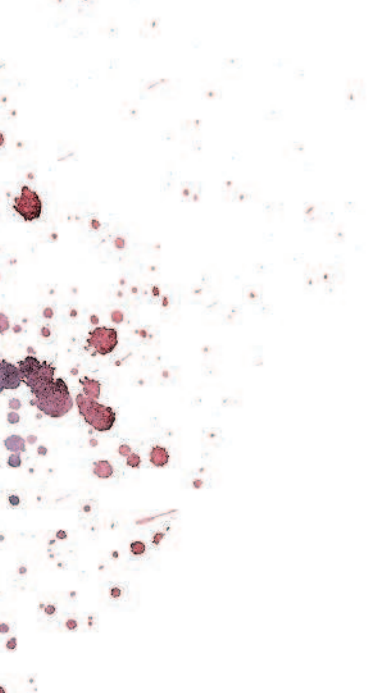
Моя-я-я-я биография

Терри Гиллиам

и Бен Томпсон

Издательство АСТ Москва

УДК 791.44.071.1(410)
ББК 85.374(3)-8
Г47

This edition is published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC

Проект осуществлен под руководством HDG Projects Ltd
Художественное оформление gray318
Арт-директор английского издания Rafaela Romaya
Арт-директор русского издания Андрей Бондаренко
Леттеринг Захар Ящин

Гиллиам, Терри.
Г47 Гиллиамески. Предпосмертные мемуары / Терри Гиллиам ; пер. с англ. Ю. Полещук. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 312 с.

ISBN 978-5-17-091034-2

В автобиографии Терри Гиллиама написано и о работе в легендарной группе “Монти Пайтон”, и о съемках “Бразилии” и “Страх и ненависти в Лас-Вегасе”, о Джордже Харрисоне и Робине Уильямсе, Уме Турман и Джонни Деппе, о встречах с Вуди Алленом и Фрэнком Заппой, Ричардом Никсоном и Хантером Томпсоном. “Предпосмертные” мемуары, как называет их сам автор, это и история удивительно яркой жизни, и рассказ об удивительном времени шестидесятых и семидесятых, времени расцвета контркультуры. Гиллиам так и остался, если не бунтарем, то уж точно эксцентриком, человеком, в котором эмоции и талант брызжут через край.

УДК 791.44.071.1(410)
ББК 85.374(3)-8

ISBN 978-5-17-091034-2

© Terry Gilliam, 2015
© Ю. Полещук, перевод на русский язык, 2016
© З. Ящин, леттеринг, 2016
© ООО “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS®

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Эта книга получилась совсем не такой, как мы с моей дочкой Холли задумали. Мы планировали выпустить дорогуший роскошный подарочный альбом большого формата с моими работами для ценителей изящного искусства. А для тех, кто умеет читать, там была бы подборка занимательных исторических фактов. Увы, стоило включить диктофон, как меня уже было не заткнуть, и в результате вышла автобиография в духе игры *Grand Theft Auto*: бешеная автомобильная погоня через всю мою жизнь, с заносами и авариями, так что лучшие мгновения со свистом проносятся мимо. В результате, чтобы хоть как-то упорядочить повествование, мне пришлось вставить в него написанные от руки или напечатанные фрагменты, извиниться за эгоцентрический характер моих воспоминаний, назвать тех, кого забыл, исправить вопиющие упущения и призвать своего внутреннего рассказчика к порядку. А ценителям изящного искусства придется приобрести для журнальных столиков что-нибудь другое.

В отличие от моего доброго друга Майкла Пейлина, который давным-давно смекнул, где зарыт горшочек с золотом, я никогда не утруждал себя ведением дневника, к тому же, как неустанно напоминает мне жена Мэгги, отличаюсь угрожающе – если не подсудно – избирательной памятью. В довершение всего время идет, и те, кого я считал хранителями наших общих, пусть и забытых, приключений, дивными, теплыми краеугольными камнями моей памяти, увы, все чаще и чаще ложатся под собственные могильные камни.

Вспоминая щедрые дары любви и сотворчества, которыми другие — как и провидение — неустанно меня осыпают всю жизнь, я, как никогда, проникаюсь смирением. А поскольку я не проверял точность (или недостоверность) собственных бездоказательных воспоминаний, делаясь ими с теми немногими из друзей и родных, кто еще жив (с каждым годом их становится все меньше), придется вам поверить мне на слово: все, о чем будет рассказано дальше, на 100% бесспорные и объективные факты.

Если вы из тех читателей, кому нравятся трогательные истории о счастливой семейной жизни, должен вас разочаровать.

Их я оставляю для себя.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРЯУ
GILLIAM

1

Вперед, в Калифорнию

1

2

Школа рок-н-ролла

26

3

Камелот

46

4

Help!

64

5

Армейский мечтатель

84

6

Да это бунт!

104

7

В Лондоне мне самое место

122

8

Interstellar Overdrive (дубль 6)

138

9

Представление

156

10

Всегда старайся видеть в жизни светлые стороны 169

11

“Бразилия”

190

12

Прыгай в огонь

214

13

Старик

230

14

Заброшенная улица

248

15

Все пройдет

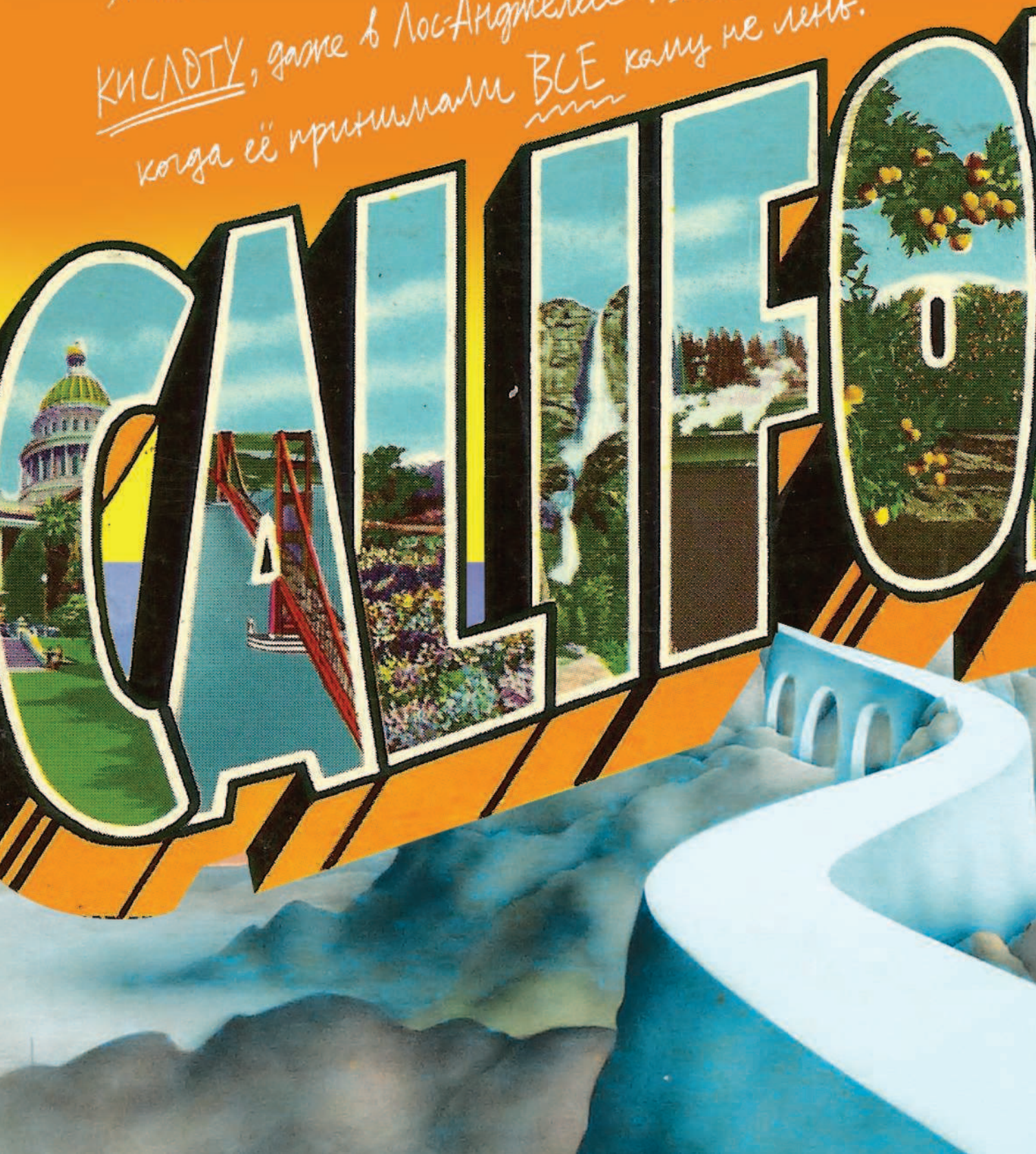
269

Финальные титры 298

Указатель 304

Я так и не отважился попробовать
КИСЛОТУ, даже в Лос-Анджелесе в 1966-67 годах,
когда её принимали ВСЕ кому не лень.

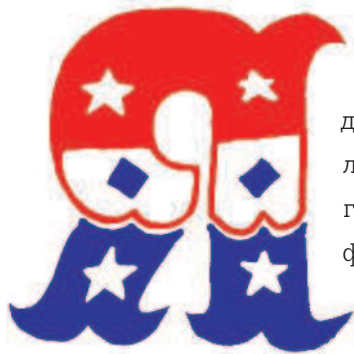

Глава

1

Вперед, в Калифорнию

ТАК И НЕ ОТВАЖИЛСЯ ПОПРОБОВАТЬ КИСЛОТУ,

даже в Лос-Анджелесе в 1966–67 годах, когда ее принимали все кому не лень. Мозги она убивает моментально, это было видно невооруженным глазом, а поскольку мне, к счастью, случалось навещать в царство фантазий, куда переносит ЛСД, безо всяких стимуляторов, я хотел быть уверенным в том, что маршруты этих путешествий разрабатываю только я и никто другой.

Я тогда жил в стеклянном доме на сваях в районе Лорел-Каньон¹, и больше всего меня беспокоило, что я не знал, где же все-таки земля. Долгое время я был совершенно уверен в том, что умею летать — не парить высоко в облаках, как позже у меня в “Бразилии” делает точная копия Джонатана Прайса², а весело порхать в нескольких футах над землей. Память об этих полетах была настолько материальна, что я не верил, будто все это мне только приснилось, и, подозреваю, с одной таблетки кислоты я бы с радостью продемонстрировал всем, как ловко у меня получается держаться в воздухе, спрыгнул из окна верхнего этажа и разбился насмерть.

Меня иногда упрекают в том, что я путаю сны с явью. Что правда, то правда: что касается моих повторяющихся ночных полетов фантазии, то, по счастью, мне не пришлось (в буквальном смысле!) расставаться с иллюзиями, когда просыпаясь и думаешь: “Это было на самом деле”, но потом это ощущение потихоньку испаряется. Если сознание действительно сильнее тела, наверно, мой мозг убедил все эти мелкие мышцы, что сие важное событие по праву занимает место в их памяти — примерно как в случаях с фантомными болями в ампутированных конечностях; правда, здесь мы имеем дело с нервной системой, которая за долгое время привыкла к тому, что там, внизу, части тела живут какой-то своей жизнью.

Быть может, все эти сны, в которых ты летаешь, — лишь отклик подсознания на то, что, когда ты был совсем ребенком, папа частенько подбрасывал тебя в воздух. Фрейд, конечно, предложил бы другое, более приземленное объяснение, но я никогда не числил себя его поклонником: мне всегда больше нравился Юнг. Точнее, Нил Янг. В общем, я скорее нил-янгианец. Я люблю музыку Нила — *Buffalo Springfield*, *Crazy Horse*³ и так далее, к тому же мне импонирует его подход к человеческой психике: Нил на дух не переносит всякой фигни. Так что иди к черту, Зигмунд, я буду верить в версию, согласно которой “папа частенько подбрасывал меня в воздух”.

Возможность впервые подбросить меня в воздух выпала моему папе в ноябре 1940 года. Я родился на месяц позже Джона Леннона и на полгода раньше

1
Лорел-Каньон — район Лос-Анджелеса.

2
Джонатан Прайс (род. в 1947 г.) сыграл в “Бразилии” Сэма Лаури.

3
Buffalo Springfield и *Crazy Horse* — названия групп, в которых некогда играл Нил Янг.

моего земляка, уроженца Миннесоты Боба Дилана (правда, тот не сразу определился, что его зовут именно так)⁴. В Америке таких, как я, называли “предвоенным поколением”, поскольку страна моего рождения решила первые танцы Второй мировой пересидеть, пока в нашей бальной карточке не расписались японцы в Перл-Харборе.

Мой отец, Джеймс (Гилл) Гиллиам, до войны какое-то время служил в последней действующей кавалерийской части и попытался снова завербоваться, но ему было сказано, что он слишком стар, а от умения ездить верхом на войне с фашистами нет никакого проку. Так что ему не оставалось ничего другого, кроме как почаще подбрасывать меня в воздух, обеспечивая объяснение снам о полетах, которые мне снились в дальнейшем. В результате предусмотрительного вмешательства Вооруженных сил США (причем это было не последнее великодушное решение, которое они приняли от имени мужской половины семьи Гиллиам, но об этом позже) война практически никак не повлияла на мое детство.

Словом, я не перенес никаких травм из тех, что оказывают серьезное воздействие на развитие личности художника (хотя их отсутствие, безусловно, впоследствии сказалось на мне губительным образом: оно стало непреодолимым препятствием, из-за которого я не мог выдавать себя за человека эпохи Возрождения). Я родился на два года раньше моей сестры Шерри и на восемь с небольшим — моего брата Скотта, так что к тому времени, когда у нас начались первые ссоры, я уже под стол пешком не ходил, но вполне уверенно чувствовал себя за ним. Я рос смышленным, веселым и здоровым — а что еще нужно ребенку? Впоследствии я шутил (где, как не в собственной биографии, выкла-

4 Настоящее имя Боба Дилана — Роберт Аллен Циммерман.

5 Кид Кэнн (настоящее имя — Исидор Блюменфельд, 1900–1981) — гангстер из Миннеаполиса. Пользовался там такой же властью и авторитетом, как знаменитый Аль Капоне в Чикаго.

Мне нравится, что младенцу вышел на фотку так нерзко. Уже тогда камере было за мной не убраться.

Мамина прическа — отдельная тема: взгляните на эти аккуратные кудряшки, на этот ровный пробор — но куда же она смотрит? Мои родители ценили то, что имели, и очень любили это создание, но им не дано было постичь его истинную природу.. Что же до тщеславия, отчасти присущего миссис Беатрисе Гиллиам, то мне вспоминается один занятный случай. Эта ювелирная точность пробора как-то едва не сбила ее с пути истинного. В середине 1930-х годов, когда мама работала в миннеаполиском ресторане “Хейсти Тейсти”, некая посетительница, разодетая в пух и прах, все восхищалась ее прической и упрасивала ее

приехать и уложить волосы этой дамы и ее подруг. Впоследствии мама узнала, что эта потенциальная клиентка была женой печально известного чикагского гангстера “Киды” Кэнна⁵ и поставляла женщин ему и его доброму приятелю Аль Капоне.

6
Медисин-Лейк — город в округе
Хеннепин, штат Миннесота.

7
Лафайет
Рональд Хаббард
(1911-1986) — американский
писатель-фантаст, создатель
дианетики и сайентологии.

дывать материалы, которые копил всю жизнь?), что отец мой был плотником, а мать — непорочной девой, так что мне не оставалось ничего другого, кроме как стать избранником божьим.

У меня есть несколько семейных фотографий, на которых мы стоим возле тех домов, что снимали в Миннеаполисе. Но по-настоящему я помню уже дом в Медисин-Лейк⁶, который мои родители купили, когда мне было четыре года, и куда мы переехали жить из города. По сути это был летний коттедж, не приспособленный для того, чтобы в нем зимовать при минус сорока, да и вообще жить в холодное время года, но на что-то другое у родителей тогда не было денег, так что мы постарались как-то приспособиться.

Помню, как папа утеплил весь дом и вырыл подвал. Несколько лет мы ходили в туалет на улицу, в так называемый “сортир”. Там было две дырки — вероятно, чтобы показать, что мы не какие-нибудь там бедняки, у которых в туалете всего одна дыра. Даже в самую лютую стужу мы бегали по нужде наружу, и нас ничуть это не смущало. Для нас это было обычным делом. Вот что я люблю в детях: они принимают жизнь такой, какая она есть. На что жаловаться? Так устроен мир.

Много лет спустя, когда я уже уехал, чтобы присоединиться к “Летающему цирку Монти Пайтона”, я стал называть себя “белой швалью”, и это раздражало моих родителей. Они не выносили, когда я так говорил, потому что никакой швалью, разумеется, не были: оба трудились не покладая рук. Мы были небогаты, но и бедняками себя не считали.

Кем только папа не работал, чтобы мы не умерли с голоду. И управлял бульдозером на строительстве шоссе в Аляску, и торговал кофе. В общем, он постоянно был в разъездах, и я, когда вырос, воссоздал ту же модель семейного очага — где мать ведет дом, а отец вечно отсутствует, и когда возвращается, ему радуются, как чуду, — причем с такой точностью, что моя жена Мэгги утверждает, будто вырастила наших троих детей в одиночку.

Поразительно, как повторяются эти модели, хотя мы сами зачастую даже этого не осознаем. Когда мои дети были маленькими, мне и в голову не приходило, будто я редко бываю дома, и я в детстве тоже не обращал внимания, что папы вечно нет. Даже если бы со мной побеседовал сам Л. Рон Хаббард⁷, едва ли ему удалось бы отыскать воспоминания об отсутствовавшем отце. Потому что папа все время что-то мастерил, чинил, и мы всегда ощущали его присутствие. Как можно забыть тот день, когда он наконец достроил туалет в доме, а из остатков старого сортира сделал нам домик на дереве?

Больше всего мне запомнилось, как зимой папа привязывал к заднему бамперу машины автомобильную камеру и катал меня по замерзшему озеру,

*Посмотрите, какие мудрые глаза у этого ребёнка.
А за ним явно стоит очень хороший человек.*

Папа умер в 1982 году, и я до сих пор гадаю, как он ухитрился, всю жизнь занимаясь физическим трудом, оставаться таким добрым и уступчивым. В нем, в отличие от меня, не было ни капли напора, агрессии, честолюбия. Всем в доме заправляла мать. По фото заметно, что женщина она была энергичная, властная и держала нас в строгости. Если меня надо было выпороть (иногда в этом возникала необходимость: например, когда я, вооружившись луком и стрелами, оборонял свой домик на дереве и нечаянно попал кому-то в глаз, как некогда попали королю Гарольду), папа, конечно, брался за ремень, но никогда — по собственному почину. У меня ни разу не возникло ощущения, будто меня наказали несправедливо, а то, что время от времени мне перепадало по заднице, так это жизнь. Что толку запира́ть ребёнка в его комнате? Он должен физически почувствовать, что наказан. Все-таки есть что-то нездоровое в том, что в наши дни на детей нельзя повышать голос, не говоря уже о том, чтобы их отшлепать. Может, это больше относится к мальчикам, чем к девочкам, но ребёнку необходимо устанавливать материальные границы, потому что, взрослея, он постоянно испытывает их на прочность.

то и дело резко поворачивая, а я от восторга вопил во все горло. Потрясающее было время.

Тогда в Миннесоте еще слыхом не слыхали три этих пагубных словца — “охрана здоровья и безопасность”. Папа с раннего детства брал меня на охоту. У нас в доме было три ружья — двенадцатого, шестнадцатого и двадцать второго калибров, причем именно для охоты, а не для того, чтобы защищать нас от злых сил. Пошел в лес, вернулся с добычей, ощипал фазана или выпотрошил луну-рыбу, за которой съездил на озеро, просверлил во льду лунку и забросил удочку.

Разумеется, лед таил опасности. Если, когда ты катался с горки, санки поворачивались на кочке и ты случайно касался полозьев языком, он моментально примерзал к железу — до того было холодно. Тогда ничего не поделаешь: плетешься домой, подняв санки к самому лицу, чтобы полить язык теплой водой — глядишь, отпустит. Больно было ужасно, но в принципе — обычное дело.

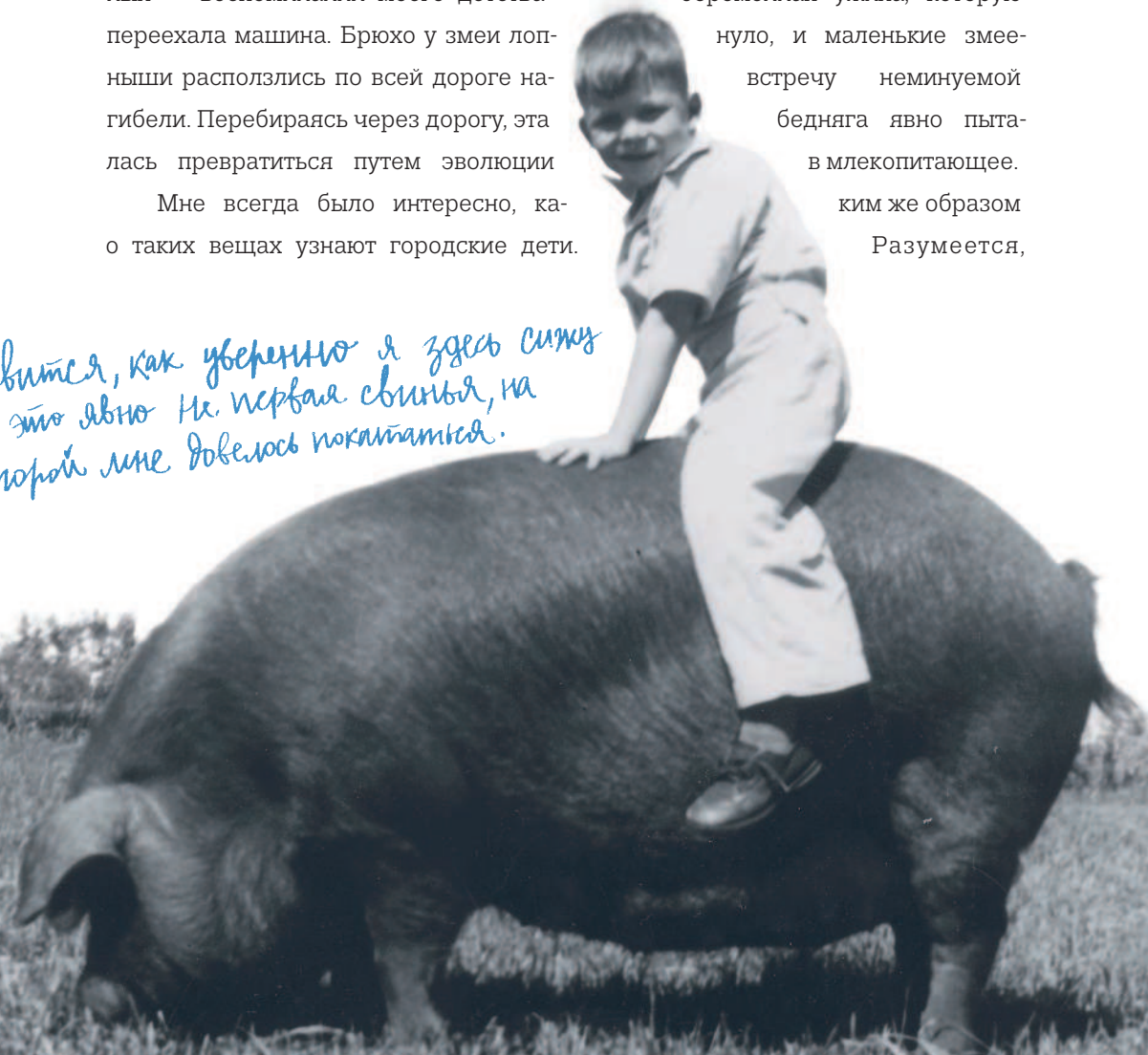
К счастью, каждый день мне собаки на голову не падали: это было скорее исключение, чем правило. Зимой, когда дорогу наверху расчищали снегоуборочные машины и на обочинах вырастали огромные сугробы из снега и льда, мы выкапывали в них пещеры и там играли. Как-то раз на сугроб взобралась собака, пописала, снег подтаял, и все это — и собака, и ее моча — обрушилось нам с другом на голову.

Жизнь на лоне природы была довольно-таки проста, но самое замечательное в ней было то, что ребенок поневоле знакомился с деятельностью собственного организма и узнавал, что у зверей есть внутренности, что мы убиваем животных и едим. Так, в Миннесоте считались деликатесом лягушачьи лапки: берешь лягушку за задние ноги, она вырывается, разделяешь ее ножом — вот тебе и питательное блюдо. Еда всегда под рукой. Вот живая зверушка, вот мертвая, а вот сытое и довольное существо, которое стоит чуть выше в пищевой цепочке. Этот опыт очень пригодился мне в творчестве.

Иногда по воскресеньям мы ездили к родственникам на ферму и наблюдали, как курицы, которым отрубили голову, некоторое время продолжают бегать по двору. Для детей нет ничего интереснее: ты своими глазами видишь жизнь после смерти. Причем такие впечатления ничуть не ожесточают ребенка: они лишь помогают понять, что природа бывает сурова. Одно из самых ярких — и печальных — воспоминаний моего детства — беременная ужиха, которую переехала машина. Брюхо у змеи лопнуло, и маленькие змеенышки расплзлись по всей дороге нагибели. Перебираясь через дорогу, эта бедняга явно пыталась превратиться путем эволюции в млекопитающее.

Мне всегда было интересно, каким же образом о таких вещах узнают городские дети. Разумеется,

*Мне нравится, как уверенно я здесь сижу
сверху: это явно не первая свинья, на
которой мне довелось покататься.*

в городах тоже есть природа — где-то там, под консервными банками и блоками из шлакобетона, — но ее законы постичь куда сложнее, учитывая, что единственные животные, с которыми ребенок регулярно имеет дело, это собаки да кошки.

Амбивалентность отношений города и деревни — лейтмотив всех моих фильмов. С одной стороны, я люблю города за их архитектуру, за то, что это очаги культуры и искусства. С другой — ненавижу за то, что из-за этого рукотворного уродства нам не видно природы.

Я годами пытался, как мог, преодолеть этот разрыв. Когда мы снимали “Бармаглота”, я хотел отыскать для чудовища настоящие шкуры животных. Я отправился за ними на скотобойню в западной части Лондона, неподалеку от Шеппертона. Когда своими глазами видишь, как туда заходит огромная старая корова, живехонькая, на четырех ногах, а потом ее бьют по голове, и вся эта туша со всеми ее мышцами и силищей оседает на пол, испытываешь серьезное потрясение.

Самое забавное, что держала эту маленькую скотобойню одна-единственная семья: американцы называют такие заведения “частными лавочками”. Так что, когда коровью тушу подвешивали на крюк и потрошили, кому же еще было убирать валявшиеся на полу внутренности, как не мальчишке лет десяти или одиннадцати, который сидит дома на каникулах? Глядя на то, как он собирает в совок кишки и вымывает кровь, я думал о том, что каждый, кто ест мясо (как я), должен провести в таком вот месте часок-другой, просто чтобы понимать процесс, частью которого он является.

Невероятно, до какой степени западный мир изолирован от реальности. А ведь взаимосвязь с планетой, на которой живешь, стимулирует воображение, как ничто другое. Когда я думаю о пейзажах, среди которых вырос, то вспоминаю, что через дорогу, которая проходила перед нашим домом, было огромное болото, а дальше маячил страшный дремучий лес. Там стояла разрушенная хижина, и никто не знал, кто в ней жил раньше. Сразу начинается полет фантазии. Болото тоже казалось волшебным: однажды в лесу вырубili много деревьев и свалили на обочине дороги, и если ползти вдоль ствола, можно было обнаружить чудесные поросшие мхом укромные местечки и там спрятаться.

В 1966 году матушка стала вести ретроспективный дневник наших семейных болезней (впоследствии я не раз задумывался: наверно, я оттого не тревожусь о своем здоровье, что за меня в свое время все эти тревоги испытала Беатриса Гиллиам). В заметке, относящейся к 1948 году, когда мне было семь лет, она пишет следующее: “Терри несколько раз тяжело болел крупом. У него была высо-